

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 24 (83)

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА КАБАРДИНСКИЕ ХАДЖРЕТЫ В ЧЕРКЕССКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ В ПЕРИОД С 1822 ПО 1829 ГОД

Продолжение,
предшествующие главы в
выпусках 20 (79) - 23 (82)

Разгром Солдатской (29.09.1825), учиненный кабардинскими хаджретами вкуче с закубанскими черкесами, по своим последствиям был весьма далек от масштабов урона, причиненного им только в одном Карамурзинском ауле.

Преследовать черкесов обязан был командир Кабардинского полка подполковник Булгаков. Но он не решился атаковать на открытом месте черкесский отряд, который, во многом благодаря замешательству среди русского военного начальства, сумел уйти сначала в Чегемское ущелье, затем – через Карачай – в Черкесию. Ермолов был взбешен поведением Булгакова и тут же отстранил его от должности.

5 октября Вельяминов сам находится на Каменном Мосту на Малке и сообщает своему кабардинскому подчиненному и другу: «Закубанская партия находится в ущельях Чигемском и Баксанском. Пленные наши там же. Все бежавшие кабардинцы – в Чигемском ущелье. Разумеется, что они присоединились к закубанским покровителям и все вместе обедают теперь осетин (балкарцев. – Прим. С. Х.), которые, несмотря на это, благоприятствуют им. Не верю я, чтобы в теперешнее время могли они пробраться за Кубань той тропинкой, которой в 1822 году бежал Тау-Султан и которая пролегает через аул Урусипия; все прочие пути преграждены занятием Канжала и Хассаута. Оставшиеся на плоскости кабардинцы почти все склонны к побегу; союзники готовы выступить к желающим на помощь, а других угрожают угнать силой». (Из архива князей Бековичей-Черкасских... С. 34). По мнению Вельяминова, беглецы вместе с закубанской партией могли пройти только через Карачай. Интересно, что Вельяминов не стремился лично возглавить экспедицию в Чегемское ущелье и ограничился рассылкой приказаний местным начальникам, как и где им перехватить черкесов.

7 октября хаджреты во главе с Бекмурзой Хамурзиным разорили аулы узденей Аслан-

кирова и Казаншева на Черек за отказ их переселиться за Кубань. Хамурзин даже забрал свою дочь, бывшую замужем за князем Камботом Кильчукиным, также отказавшимся участвовать в восстании.

9 октября отряд хаджретов во главе с Магометом Атажукиным подошел к аулу Мисоста Атажукина. Последний также отказался примкнуть к движению. Он являлся старшим в ветви Атажукиных, которая являлась старшей во всем «доме» Иналовичей Большой Кабарды. Интересно, что Мисост являлся старшим сыном знаменитого Исмаил (Измаил-бея) Атажукина, полковника и прототипа лермонтовского героя. А хаджрет Магомет был сыном главного оппонента Измаила Атажукина – Рослаббека, одного из зачинателей хаджретского движения, также имевшего звание полковника. Как видим, конфликт кузенов был унаследован их сыновьями. Магомет, тем не менее, не стал применять силу и довольствовался аулами других владельцев, расположенных по Баксану. (Мальбахов Б. К. Кабарды... С. 258-259).

12 октября Вельяминов писал Бековичу о намерении Джембулата, сына валя, бежать за Кубань. Перекрытие путей, по мнению командующего, остановило бегство населения Кабарды. (Из архива князей Бековичей-Черкасских... С. 38). Выясняется, что Бияслен Хамурзин, сын Мурзабека Хамурзина, месяц находился за Кубанью и что еще интереснее, об этой поездке командующий узнал только после того, как она состоялась. В этой связи, командующий возмущался поведением мирных закубанцев, не известивших его об этом важном событии.

17 ноября Вельяминов извещает Бековича о том, что Мурзабек Хамурзин, по всей видимости, будет зимовать в Карачае и потом продолжит движение в Закубанье. (Там же. С. 39).

По приказу Ермолова войска были стянуты к Кабарде и были приняты меры к окружению восставших. Тем не менее, кабардинцы смогли уйти в Закубанье через Карачай.

Кабардинцы, уличенные в

участии в антиправительственном восстании, были подвергнуты жестоким наказаниям. Главной символической жертвой Вельяминов избрал сына валя – Джембулата. Обстоятельства гибели молодого князя и его боевого друга князя Канамата Касаева описаны Потто в главе XXXII второго тома «Смерть Джембулата Кучукова» (приведена в данном сборнике). (Потто В. А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 549-558).

Свидетелем расправы над Джембулатом Кучуковым и его сподвижником стал А. С. Грибоедов. В письме В. В. Кюхельбекеру от 27 ноября 1825 г. Грибоедов делился впечатлениями: «Дела здешние были довольно плохи, и теперь на горизонте едва проясняется. Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли это подействует? Но вот как происходило. Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец, от Чечни до Абазехов никто не коснется ни табунов его, ни подвластных ему ясырей, и нами поддержан, сам тоже считается из преданных русским. Сын его, любимец [А]лексей [П]етровича, был при посольстве в Персии, но, не разделяя любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев был на их стороне, и вообще храбрый из всех молодых князей, первый стрелок и наездник и на все готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам. Велено его схватить и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчикскую крепость, в сопровождении отца и других князей. Имя его Джембулат, в сокращении по-черкесски Джембот. Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвиненный чалмою, в знак того, что посетил святые места Мекку и Медину, другие не столько знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие. Джембот в великолепном убранстве, цветной тишлай сверх панциря, кинжал, пашка, богатое седло и за плечами лук с колчаном. Спешились, вошли в приемную, тут объявлена им воля главнокомандующего.

Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя лишить оружия человек, который в нем всю честь полагает. Джембот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен; начались переговоры; старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбою не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сем случае было бы несогласно с пользою правительства. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел ослушник; с ним был друг его Канамат Касаев; при малейшем покушении к побегу отдан был приказ, чтобы стрелять. Я, зная это, заслонил собою окно, в которое старик отец мог бы всё видеть, что происходило в другом доме, где был сын его. Вдруг раздался выстрел. Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу. Я оглянулся. Выстрелил Джембот, из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту минуту ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим еще несколько пуль не дали ему долго бороться со смертью. Товарищ его прыгнул за ним, но среди двора также был встречен в упор несколькими выстрелами, пал на колена, но они были раздроблены, оперся на левую руку и правой успел еще взвести курок пистолета, дал промах и тут же лишился жизни.

Прощай, мой друг; мне так мешало, что не дали порядочно доскочить этой кровавой сцене; вот уже месяц, как она происходила, но у меня из головы не выходит. Мне было жаль не тех, которые так славно пали, но старца отца. Впрочем, он остался неподвижен и до сих пор не видно, чтобы смерть сына на него сильнее подействовала, чем на меня». (Грибоедов А. С. Сочинения. М.: 1953. С. 542-543).

Ермолов получил рапорт Вельяминова о смерти Джембулата Кучукова и Канамата Касаева и поспешил одобрить действия своего подчиненного. То, что, фактически, это было убийством, главнокомандующего не трогало. Воспользовав-

шись предложением, что двое молодых княжичей отказались сдать оружие, Вельяминов наслал на них команду солдат. Он не мог не знать, что люди, которых он пригласил, явившиеся к нему по своей воле, посчитали бы для себя бесчестьем разоружиться. Фактически, Вельяминов расправился с гостями, что было дикостью не только в черкесской культуре, но и в европейской. Он же сам писал, что после устроенного им убийства, он мог спокойно довериться пятистам вооруженным кабардинцам, которые по приказу отца убитого Джембулата составили охранный эскорт Вельяминова, провожая его из Нальчика на линию.

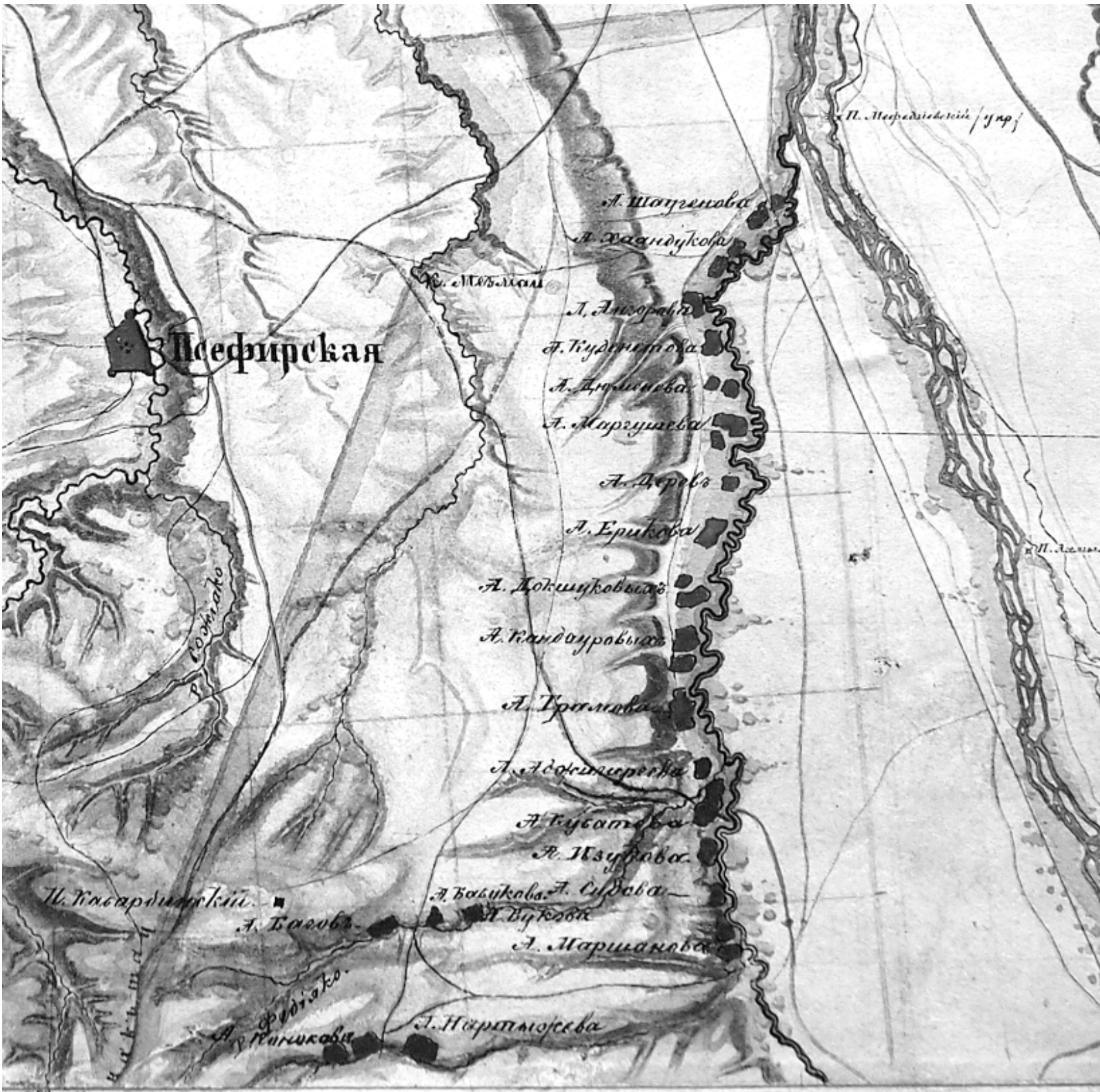
Предвидя, что расправа над сыном валя и его соратником может спровоцировать новые побеги князей из Кабарды, Ермолов предупреждал Вельяминова: «Ослушников, прибегнувших к оружию, нельзя было щадить и оставить без наказания; но сколько ни справедлива мера сия, найдись могут люди неблагонамеренные, которые кривым истолкованием действий начальства постараются внушить недоверчивость к оной и при настоящих беспокойствах возмущать народ, слепо повинующийся своим владельцам, коих изменнические свойства слишком известны: то в пр. извольте сделать, по мере возможности, распоряжения, которые препятствовали бы побегу за Кубань». (Предписание ген. Ермолова ген.-м. Вельяминову 3-му, от 31 октября 1825 года. Секретно // АКАК. Т. VI. Ч. 2. С. 477). Сыновей князей и дворян, ушедших за Кубань, Ермолов приказал собрать в Ставрополе для последующего направления в военные сиротские училища. (Там же).

Вельяминов не ограничился расправой над молодыми княжичами – Джембулатом и Канаматом – имели место еще казни и экзекуции. Свидетелем их стал Грибоедов: «Я теперь лично знаю многих князей и узденей. Двух при мне застрелили, других заключили в колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьего дня набрел за рекой: висит, и ветер его медленно качает». (Письмо С. Н. Бегичеву, 7 декабря 1825 г. // Грибоедов А. С. Сочинения... С. 545).

Ермолов неохотно и кратко

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

Карта верхней и средней части бассейна реки Кубани. 1864 г. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 8/VIII-32. Фрагмент.

и судебной реформ: «Замечания касательно просьбы кабардинского народа и средства улучшения благосостояния оно-го». Идея Бековича-Черкасского состояла в том, чтобы совместить адат с шариатом, включив в существующую практику ряд норм мусульманского законодательства, «касательно прав опеки, наследства и прочего». Проект не получил одобрения.

В апреле 1828 г., после объявления войны Турции, Эммануэль распространил наполненную угрозами прокламацию к населению Закубанья. За содействие турецким войскам он грозил истреблением. Отдельного пункта удостоились хаджреты: «От беглых кабардинцев, находящихся за Кубанью, один раз навсегда требую я, чтобы они от хищничеств удержались; в противном же случае, добычами не заменяются им те потери, которые понесут они, если привлекут на себя русское оружие. К тому же и сами жители закубанские, давшие им убежище, должны за стыд почитать следовать их легкомысленным советам, а и того еще более, терпеть в них своих притеснителей и им повиноваться». (Прокламация ген.-л. Эммануэля закубанским народам, от 25 апреля 1828 г. Ставрополь // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 877-878). Далее следовал привычный якоринский посыл даровать свободу «подвластным и холопьям» тех владельцев, которые выступают на стороне Турции, а сами «владельцы же их будут преследуемы и истребляемы оружием без всякой пощады».

Прокламация Эммануэля демонстрирует нам тот самый пренебрежительный и угрожающий тон, о котором писал Паскевич, критикуя местных военных чинов за подобную враждебную тональность в переписке с персами. (АКАК. Т. VII. С. 875-876).

Учитывая все предшествующие массированные карательные экспедиции Вельяминова и Кацырева в 1823-1825 гг., ни на что иное, кроме ожесточенного сопротивления, царский военачальник не вправе был рассчитывать.

В этике царского генерала полностью отсутствует представление о гуманности, снисхождении к поверженному противнику, проявлении рыцарства и благородства на войне. Прокламация призвана также внести раскол в черкесское общество и для этой цели царский командующий готов даже стать неким «освободителем» трудового крестьянства Черкесии, не упоминая о том, что «всегдашняя вольность» в России означала крепостное рабство и рекрутчину. Ради разрушения черкесского общества и разжигания социального конфликта считалось, что все средства хороши. Слова свои

пишет о событиях 1825 г. в Кабарде. Последнее восстание кабардинцев стало красноречивым итогом его правления: «В октябре (1825 г. – Прим. С. Х.) вспыхнуло возмущение в Кабарде; некоторые из владельцев бежали в горы, дабы пройти на Кубань, но прежде напали они на селение Солдатское и разграбили оное, вспомоществуемы будучи перешедшею к ним из Кубани сильною партиєю. В нападении сем участвовали почти все живущие по реке Малке кабардинцы». (Записки А. П. Ермолова... С. 415).

Из письма А. А. Вельяминова князю Ф. А. Бековичу-Черкасскому, от 28 декабря 1825 г. (Екатериноград): «Сейчас получил я письмо твое от 24 числа, любезный князь, и приложенный при нем в копии рапорт твой к князю Горчакову. Чрезвычайно рад, что закубанцы попались в порядочный передел и с сим успехом душевно тебя поздравляю. Заметь, любезный друг, что болотистые Зеленчуки не счастливы для фамилии Айтековых, ибо в этих же болотах за несколько лет пред сим уяз со

своей партией Мисост Айтеков. Говорят, что он потерял тогда до трехсот человек и с тех пор уразумел, что не суждено ему быть полководцем. Растолкуем, наконец, тоже и возлюбленному брату его, Джамбулату, которого кредит после сего случая кажется много слиняет. Ты пишешь, что тела убитых закубанцев зарыты в станицах, и что ожидаешь за ними послов, а присланный от тебя казак сказывал, что они каждый день проवेशиваются перед воротами станиц. Сей последний способ весьма недурен; пускай спеют, как балыки, в ожидании выкупа». (Из архива князей Бековичей-Черкасских... С. 42-43).

В июне 1826 г. Ермолов по-прежнему уверен в намерении части князей бежать со своими подвластными за Кубань. Мисост Атажукин, как отмечает главнокомандующий, «в прошедшем году сам имел намерение удалиться за Кубань, почему с р. Малки и переселен внутрь Кабарды и некоторое время был под присмотром». Просьба Мисоста поселить всех его подвластных в одном районе на Чегеме или

Баксане, трактовалась, как «намерение с большей удобностью бежать за Кубань». Главнокомандующий был в курсе, что Мисост женат на родной сестре Измаила Касаева, «известного мошенника». (Предписание ген. Ермолова ген.-м. кн. Горчакову, от 29 июня 1826 г. Секретно // АКАК. Т. VI. Ч. 2. С. 477-478). Ермолов подозревал в намерении бежать и князя Рослаббека Батоко, за которого он получил ручательство кн. Мухаммеда Докшуко, но хотел подкрепить его еще и ручательством Кучука Джанхотова. (Там же).

Кабардинский исход имел еще одно направление – чеченское. П. М. Сахно-Устимович вспоминал: «В последнее время, принимая к себе с гор новых пришельцев, по большей части принужденных бежать отсюда за преступления или убийства, также кабардинских абреков (кабардинский абрек – слово в слово то же, что иллирийский ускок), чеченцы скоро усилились и стали продвигаться к Тереку и Сунже. (Сахно-Устимович П. М. Описание чеченского похода 1826 г. // <http://www.vostlit.info/Texts/>

Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/S_Ustinovich/frame1.htm).

Во время военных действий в Чечне в 1826 г. Ермолов целенаправленно действовал против хаджретов: «Четыре дня Ермолов употребил на то, чтобы пройти всю заповедную глушь мало-чеченских лесов. Аулы: Рошня, Гехи, Даут-Мартан и Шельчиха, как вечные приюты кабардинских абреков, были сожжены и сады их вырублены». (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 1: Время Алексея Петровича Ермолова. 1816-1826 годы. Под ред. генерал-майора Потто. Тифлис, 1904. С. 364).

В 1827 г. кабардинские князья и уздени безуспешно ходатайствовали перед Дибичем об отмене Временного суда.

Возвращение к шариату представлялось необходимой мерой не только кабардинской оппозицией, но и теми лицами, которые давно и прочно были вовлечены в российский управленческий класс. Так, в 1829 г. Бекович-Черкасский составил проект административной

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

Эммануэль сдержал, а все угрозы перевыполнил.

Абадзехи и кабардинцы встретили прокламацию Эммануэля враждебно и провели в конце апреля 1828 г. на р. Уруп собрание, на которое пригласили князей и старшин всех черкесских земель «для совещания о вторжении в пределы кавказской области».

1 мая отряд ген.-м. Антропова выступил на Уруп для удара по абадзехо-кабардинскому ополчению. Позднее, оценивая результаты экспедиций 1828 года, Паскевич указывал на безуспешные действия г.-м. Антропова, который 1-го мая выступил на Уруп для рассеяния собиравшейся там партии, до 800 абадзехов и кабардинцев, но, не открыв ничего, возвратился назад.

В мае 1828 г. темиргоевские князья Шумаф и Таусултан решили со своими аулами отойти от русской границы и соединиться со своим братом Джамбулатом. Это переселение, фактически, означало присоединение всех темиргоевцев к черкесскому сопротивлению. Остановить переселение «беглых темиргоевцев» должен был лично новый командующий войсками Кавказской линии генерал от кавалерии Г. А. Эммануэль.

19 мая 1828 г. отряд Эммануэля после продолжительного и крайне ожесточенного боя сжигает аул темиргоевского князя Хеаолей Айтекова-Болотокова. (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Время Паскевича. Выпуск 3. Тифлис: типография штаба Кавказского военного округа, 1891. С. 350). Потто отмечает, что подчиненные Эммануэлю войска не смогли воспрепятствовать темиргоевцам и, более того, не сумели нанести им военного поражения. Несколько раз войска пятились, атаки захлебывались и командующий был вынужден дать отбой. Позднее фельдмаршал Паскевич в своем донесении царю дал отрицательную оценку действиям Эммануэля.

25 мая в лагерь Антропова на Лабе прибыли представители бесленеевцев, которые заявили, что бесленеевцы «будут действовать против русских заодно с абадзехами». (Там же. С. 356).

6-9 июня 1828 г. состоялся очередной крупный кавалерийский рейд черкесов под началом османского офицера Магомет-аги и темиргоевского князя Джамбулата Айтекова-Болотокова в район Пятигорья. Мы не располагаем никакой развернутой информацией об османском офицере, но, скорее всего, главное военное руководство осуществлял Джамбулат Болотоков. Этому событию посвящена глава XXIV «Село Незлобное» в 5-м томе «Кавказской войны». (Там же. С. 357-376).

Как сообщал об этом царю Эммануэль: «В. И. В. всеподданнейше послешау донести о вторжении в границы Кавказской области неприятельского ополчения, составленного из закубанских черкесов и беглых

кабардинцев, в числе около 3-х тысяч человек». Тут же командующий еще раз подчеркивает: «ополчение сие, быв составлено из числа отборных наездников». В конце рапорта опять: «При сем всеподданнейше пред В. И. В. осмеливаюсь свидетельствовать об отличной храбрости, оказанной всеми нашими войсками, бывшими в сем деле, против отборных толико в большом количестве горцев, бывших в панцырях и сражавшихся с неимоверным усилием, нападая на артиллерию, каковых примеров прежде никогда не бывало».

9 июня черкесский отряд атаковал станицу Марьинскую, где встретил сильное сопротивление и тут же обратился против соседнего села Незлобного, в 10 верстах от Георгиевска, которое захватил и подверг разорению. В ходе боев с русской стороны погибли несколько старших офицеров во главе с подполковником Родионовым, 69 казаков и еще более 40 раненых. (Всеподданнейший рапорт ген.-л. Эммануэля, от 10 июня 1828 г. Горячеводск // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 878-879).

«С сими народами, — поучал Паскевич, — должно быть всегда готовым к отпору. Нужно было немедленно выступить за границу и, угрожая собственным их аулам, отвлесть предстоявшую линии опасность. Только один г.-м. Антропов выходил на короткое время для прикрытия преданных нам ногайцев и, по достижении сей цели, возвратился обратно. Горцы же беспрепятственно продолжали сборы свои, 6-го июня явились у Баталпашино, 7-го дневали там и на 9-е истребили близ Георгиевска село Незлобное, почти посреди наших войск. Дабы удержать дальнейшие набеги, нужно было произвести примерное возмездие, тем более что прибытие на линию 2-й уланской дивизии позволяло собрать нужные для того силы, но сего не последовало».

А. Марлинский, участвовавший в экспедициях против черкесов, высоко оценивал боевые качества черкесской кавалерии: «В инструкции полковникам «О кареях против турецкой кавалерии», данной стариком Каменским, между прочими, чрезвычайно дельными замечаниями, сказано: «Пехота, которая вышлет стрелков далее восьмидесяти шагов от фронта, может исключить их из списков». Почти то же можно сказать в рассуждении всадников, выезжающих далее восьмидесяти шагов за цепь в сторону, в войне с черкесами». (Марлинский А. Кавказские очерки // Библиотека для чтения. Т. 15. СПб., 1836. Отд. I. С. 269).

В июле-августе 1828 г., как отмечал Паскевич, «набеги умножились как прежде редко бывало».

В одном вопросе Паскевич и Эммануэль были полностью солидарны — в организации голода, как методе покорения. Продовольственная блокада и

провоцирование голода являлись, по убеждению главнокомандующего, наиболее действенными средствами к покорению черкесов. (Рапорт ген.-л. Эммануэля гр. Паскевичу, от 17 июля 1828 года, № 80. Горячеводск // АКАК. Т. VII. С. 879-880). Метод нашел полное одобрение у Паскевича в его всеподданнейшем докладе: «О чем всеподданнейше донеся, повергаю высочайшему В. И. В. воззрению успехи ген. Эммануэля: он благоразумно пользуется зимним временем для усмирения народов сих...». (Всеподданнейший рапорт гр. Паскевича, от 14 декабря 1828 г. // АКАК. Т. VII. С. 881-882).

Блокада и провоцирование голода были предложены как главные инструменты подавления горцев А. А. Вельяминовым в 1833 г.: «Единственное средство возбранить решительно доступ сим лодкам к черкесам состоит в том, чтобы построить укрепления при устьях всех рек, впадающих в Черное море между Кубанью и Рионом. Мера сия имеет тесную связь с одним из главнейших, по моему мнению, средств ускорить покорение горцев. Средство сие состоит в истреблении полей их. В первый было оно употреблено в прошедшем 1832 году, и теперь ясно видно, до какой степени изнеможения доведены оным чеченцы. Без ошибки можно, кажется, рассчитывать, что горцы не в состоянии выдерживать подобного истребления более пяти лет сряду. Нужно только действовать на всем пространстве между Черного моря и Каспийского моря, то есть каждый год, дабы довести их до крайности и поставить в необходимость покориться всем требованиям правительства. Средства для сего нужны следующие:

1) Каждый действующий отряд должен иметь под ружьем шесть тысяч человек пехоты, тысячу казаков, двадцать четыре орудия артиллерии и две роты пионер. Сверх того запасный парк и пятьсот повозок, как для подвоза провианта, так и для больных и раненых.

2) Для действий за Кубанью нужно два таких отряда, и если будет три, то еще лучше. Для действий в Кабарде нужен один такой же отряд. Для действий за Терек по крайней мере два...

И так, главное дело состоит теперь в том, чтобы покорить народы, занимающие плоскости на северной стороне Кавказа. Голод есть одно из сильнейших к тому средств. Чтобы произвести оный, нужно между прочим возбранить подвоз жизненных потребностей со стороны Черного моря. Для сего полагаю достаточным наблюдать берег одного особенным отрядом войск и крейсирующими судами между Анапой и Гаграми. Истребление полей их в продолжении пяти лет сряду даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшие действия». (Ответ генерала Ве-

льяминова от 20 мая № 155-й на письмо командира отдельного Кавказского корпуса барона Розена от 13 мая 1833 г. № 279-й о представлении плана к окончательному покорению горцев. См.: Н. Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 149-150, 153-154).

Авторы очерка «Адыги» М. Аутлев, Е. Зевакин, А. Хоретлев писали: «Наиболее близкие к царскому двору сановники и генералы взяли курс на физическое уничтожение целого народа путем выжигания аулов и насильственного переселения адыгов на низменные болотистые места, непригодные для земледелия и являвшиеся расадниками различных болезней. Царская военная администрация использовала в борьбе против адыгов все средства, в том числе стихийные бедствия, как голод, вспышки эпидемий, а также такие меры, как экономическая блокада, лишение горцев возможности приобретать жизненно необходимые предметы (соль, железо, бельевые ткани и др.).

«В своих «Военных заметках», представленных военному министру Чернышеву, комендант Геленджика полковник Чайковский писал:

«Тщетно к спасению от голодной смерти (автор заметок имеет в виду голод 1833 — Прим. М. Аутлева) каждый раз я предлагал им на первый раз муки 1000 четвертей, если их старшины явятся с покорностью, примут присягу и, в залог верности подданства Российскому императору, представят в аманаты тех, кого я потребую». Царский офицер с удивлением отмечал, что черкесы смотрели с гор «на огромные бунты (пирамидальные склады) провианта, которого тогда было 22 тысячи четвертей, — смотрели и, не помышляя о покорности, умирали от голода». (Цит. по: Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги. Историко-этнографический очерк. Майкоп, 1957. С. 45).

31 августа 1828 г. начальник правого фланга генерал Антропов выступил из Прочного Окопа и нанес удар по жителям аула башильбаевских дворян Хахандуковых, находившимся на уборке хлеба: «Поля башильбаевцев были истреблены огнем, и казаки вернулись назад, приведя семьдесят семь плененных и целый транспорт арб, приготовленный жителями для перевозки хлеба». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Вып. 3. С. 384).

1 сентября 1828 г. отряд Антропова напал на башильбаевцев, убравших свои хлеба на их полях между Урупом и Большим Зеленчуком: был убит «почетнейший старшина» Хаджи Хахандуков, 77 человек были захвачены в плен, помимо этого около 200 голов рабочего скота. В этом же месяце Антропов построил на Урупе, в 30 верстах от Прочного Окопа, «небольшое полевое укрепление и снабдил его гарнизоном из 400 человек пе-

хоты, 600 казаков и 6 орудий».

7 сентября 1828 г. Антропов атаковал махошевцев на их полях: «Убыль закубанцев в этом деле доходила до 70 человек из знатных махошевских узденей; в плен взято 37 мужчин и 5 женщин; захвачено 40 лошадей, 270 штук рогатого скота и 4500 штук овец».

9 сентября отряд майора Канивальского, согласно предписанию ген.-м. Антропова, выступил на Теберду, на поля абазинцев, чтобы препятствовать им в уборке хлебов: «В перестрелке, затеянной с ними, убиты были Ногай Лоов и еще 20 горцев, в плен взято 8 душ и отбито 243 головы рогатого скота».

3 октября состоялся набег за Лабу под личным руководством Антропова с намерением «напасть на работающих абадзехов, махошевцев и беглых кабардинцев, забрать их в плен, а хлеб истребить». Здесь Антропов встретил организованное сопротивление под руководством Джамбулата Айтекова-Болотокова. Отряд Антропова, с потерями, был вынужден ретироваться в укрепление Св. Георгия.

13 ноября — 13 декабря 1828 г. состоялась месячная карательная экспедиция под руководством Эммануэля: «Главное его внимание было обращено было на беглых кабардинцев, бесленеевцев, баракаевцев, беглых темиргоевцев и абадзехов; сверх того, по ходу дел пришлось внести военные действия еще в земли егерукаевцев и махошевцев». (Филонов С. Кавказская линия под управлением генерала Эммануэля // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 421). Группировка войск состояла из четырех сводных отрядов. 1-й отряд или колонна под начальством ген.-м. Антропова, при которой находился и сам Эммануэль, должна была «следовать к верховьям р. Чамлыка и овладеть расположенными там аулами бесленеевцев и беглых кабардинцев». (Там же. С. 423). 2-я колонна под начальством ген.-м. Турчанинова «имела задачей идти на верховья р. Урупа и напасть на аул беглого кабардинского князя Аджи-Мурзабека Хамурзина, отстоявший от Кубани в 80 верстах, на землях башильбаевцев». 3-я колонна — полковника Луковкина — «должна была направиться в верховья Б. Лабы, к аулу беглых кабардинцев князя Кучуку Аджи-Гиреева, расположенному в районе бесленеевских земель на р. Кунц, впадающей с правой стороны в Б. Лабу». 4-я колонна, под начальством майора Васмунда, «назначалась для диверсии и прикрытия действий остальных колонн со стороны народов, живших на пространстве между рр. Лабой и Белой и по ту сторону последней». Планировалось, что первые три колонны должны были одновременно, на рассвете 14 ноября, «напасть на вышеозначенные аулы». (Там же. С. 424). Как видим, во многом, эта экспедиция планировалась как облава на беглых кабар-

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

динцев. Но, по мере разворачивания операции, она сильно затянулась и стала одной из наиболее масштабных экспедиций против сего населения этих районов Черкесии. Далее даем все основные события этой экспедиции в хронологическом порядке.

13 ноября 2-я колонна ген.-м. Турчанинова вступила в оставленные жителями аулы беглых кабардинцев на верхнем Урупе. В этот же день 3-я колонна полковника Луковкина внезапно атаковала аулы Кучука Аджигиреева, расположенные у истоков Лабы, на р. Купис и «совершенно истребил оный»: «с неприятельской стороны убито 16 человек и взято в плен 125 душ обоего пола». (АКАК. Т. VII. С. 881). В плен был захвачен, согласно Потто, грудной сын князя. (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Вып. 3. С. 425). Кабардинцы опомнились и стали теснить колонну, что вынудило ее искать спасение в отступлении к Кубани через укрепление Св. Георгия.

14 ноября, на рассвете, 1-я колонна Антропова прибыла к аулам Атажукина, «но жители, предупредительные о движении наших войск, скрыв свои семейства и имущество в лесу, встретили казаков выстрелами. Перестрелка продолжалась часа два, причем у нас один казак убит и один ранен; у неприятеля взято 2 человека в плен и отбито 250 штук рогатого скота и несколько лошадей». В тот же день пехота 1-й колонны «в одиннадцатом часу утра прибыла к аулу Джамбора Кандаурова, лежавшему в верховьях р. Алдоргалтук, впадающей в Б. Тегень, где отряд и расположился лагерем». (Филонов С. Кавказская линия... С. 424).

15 ноября 2-я колонна достигла «разоренного аула беглого кабардинского князя Кучука Аджи-Гиреева», на р. Кунч, правом притоке Б. Лабы. Покидая аул, Турчанинов отдал приказ сжечь его. (Там же. С. 437).

16 ноября 1-я колонна расположилась лагерем на Б. Лабе при урочище Экепцоко, против горы Ахмет: «Владельцы и старшины бесленевских аулов, собравшись там, встретили Емануэля с просьбой о пощаде, соглашаясь принять присягу на верноподданство, выдать аманатов, возвратить всех русских пленных и все похищенное ими в наших пределах». (Там же. С. 425). 18 ноября бесленевские князья «от имени 630 домов своих подвластных, приведены были к присяге, выдали аманатов и обещали заплатить все нанесенные ими нам убытки и возвратить пленных». (Там же. С. 426-427).

18 ноября подразделения 1-й колонны истребили аулы Торкана Тазартукова, бесленевского тлекогтлеша, отказавшегося присягать: было «приказано осмотреть окрестные леса и захватить скрывавшихся в них жителей». (Там же. С. 427).

19-22 ноября отряд Ушако-

ва, высланный из лагеря 2-й колонны Турчанинова, сжег кабардинские аулы в верхнем течении Урупа. (Там же. С. 437-438).

20 ноября войска 1-й колонны стали лагерем на левом берегу Малой Лабы у бесленевского аула Соношако: «В этот день еще несколько бесленевских князей, в том числе и Торкан Тозартуков, приведены к присяге. Убедившись в бесполезности своего упорства, Тозартуков, почти разоренный и боявшийся дальнейшего преследования, спешил явиться с покорностью». (Там же. С. 427-428).

21 ноября 1-я колонна выступила через р. Ходзь к аулу бесленевского князя Айтека Канокова, лежавшему в верховье речки Гашхетуко: «Айтек Конуков, владевший как этим аулом, так и другим, расположенным в верховье р. Гупса, явился с покорностью, присягнул, выдал в аманаты родного брата своего и обещал выполнить все условия, принятые бесленевцами. Примеру его последовали и другие князья, прибывшие с верховьев р. Гупса». (Там же. С. 428).

23 ноября 1-я колонна двинулась к р. Псефир во владения абадзехов: «За непокорность ближайшие два аула решено было истребить». (Там же. С. 429).

Согласно Потто, 24 ноября все колонны сошлись на Псефире. Первая цель – аул кабардинского князя Мурзабека Хаджи Хамурзина в верховьях Урупа. Аул оказался совершенно пуст: жители успели не только спастись сами, но и увезли все, что только можно было увезти. Но половина запасов хлеба еще оставалась в окрестностях аула. Колонна Турчанинова сожгла аул, что, согласно Потто, было ничтожной потерей для населения. (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Вып. 3. С. 420-421). Согласиться с такой оценкой нельзя, поскольку оказаться без крыши над головой в зимнее время – достаточно тяжелое испытание даже по меркам той войны.

Разгрому аулов кабардинских князей уделялось особенное внимание и о таковых эпизодах доносили императору. В отчетном рапорте Паскевича царю от 7 декабря 1828 г. сообщается о рейде Турчанинова на аул беглых кабардинцев кн. Хаджи-Мурзабека Хамурзина в верхнем течении Урупа, оказавшийся оставленным жителями. (Всепопданнейший рапорт гр. Паскевича, от 7 декабря 1828 г. // АКАК. Т. VII. С. 881). Здесь же сообщается о том, что удалось захватить аул беглых кабардинцев князя Кучука Хаджи-Гиреева, находившийся на речке Куписе в вершинах Лабы.

В период с 24 по 28 ноября 1828 г. главный отряд под начальством Эмануэля стоял на Псефире и от него высылались колонны для «наказания окрестных жителей». 24 ноября колонна подполковника Флиге еще до рассвета выступила к верховьям Псефира для унич-

тожения нескольких абадзехских аулов: «Флиге вернулся в тот же день и с теми же ничтожными результатами, какими ознаменовались накануне действия Турчанинова». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Вып. 3. С. 421). Другая колонна, под начальством майора Принца, «истребила большой абадзехский аул, покинутый жителями, и уничтожила богатый пчельник, в котором насчитывалось не менее полутора-тысячи ульев». (Там же. С. 424).

«Законы войны суровы, – восклицает Потто, – и там, где они прошли, ландшафт надолго сохраняет печальный вид опустошения». (Там же. С. 424).

25 ноября командир Навагинского пехотного полка подполковник Флиге с отрядом из 800 человек пехоты и конницы при 2-х орудиях направлен был верст за 15, на речки Этоко и Фарс, для уничтожения восьми абадзехских аулов». (Филонов С. Кавказская линия... С. 430).

26 ноября продвижение с боями отряда капитана Поленова по егеруаевской территории: потери составили убитыми 13 и ранеными 21 человек. В тот же день двумя колоннами, отделенными от главного отряда вверх и вниз по Псефиру, истреблено было 9 абадзехских аулов. (Там же. С. 430-431).

27 ноября 1-я колонна направлена вниз по Псефиру, где истребила 9 аулов, принадлежавших абадзехам и беглым кабардинцам: «На обратном пути войска предали огню все принадлежавшие неприятелю стога с сеном. Независимо этой колонны, из лагеря посланы были казачьи команды для истребления всех запасов сена в окрестностях лагеря; сожжено около двух тысяч стогов». (Там же. С. 431).

27 ноября направляясь на Псефир, Турчанинов стал лагерем на р. Каптоу: «найденный же там аул беглых кабардинцев сожжен». (Там же. С. 439).

28 ноября колонны Антропова и Васмунда заняли позицию поблизости «от старого абадзехского укрепления Хагара» на р. Фарс. После артобстрела и сильной перестрелки войска заняли и сожгли соседний аул. (Там же. С. 431-432).

29 ноября высланный из лагеря отряд подполковника Флиге (400 пехотинцев и 600 всадников) на рассвете «истребил огромный аул беглых кабардинцев», а при обратном следовании сжег более тысячи стогов сена. (Там же. С. 432). В тот же день 2-я колонна Турчанинова истребила «5 махошевских аулов на Фарсе и притоках его, так как махошевы решительно отказались от всех предложений, сделанных им Турчаниновым, а по приближении войск задерживали их сильным огнем, пока не были опрокинуты казаками». (Там же. С. 439).

30 ноября Антропов во главе 600 пехотинцев и 600 всадников истребляет 11 абадзех-

ских аулов в верховьях Фарса и Межеуко. (Там же. С. 432-433). В тот же день 2-я колонна Турчанинова истребила темиргоевский аул на р. Катль. (Там же. С. 439).

1 декабря отрядом пехоты и кавалерии из числа войск 2-й колонны, сожжен егерукаевский аул на р. Серали. Неприятель защищался в домах и в завалах, пока спешившиеся казаки майора Фирсова, с помощью егерей, не выбили его, потеряв во время атаки четырех человек убитыми и столько же ранеными. В тот же день колонны Антропова и Васмунда встали лагерем на р. Хунтх. Отсюда, на рассвете 2 декабря, были направлены два отряда по 800 человек в каждом, под начальством Флиге и Васмунда, которые истребили 6 аулов. (Там же. С. 434).

5 декабря отряд майора Вейганда был направлен вверх по Белой от Майкопа: «Предав огню 8 весьма больших аулов, в том числе два, принадлежавшие известному абадзехскому старшине Аджикляшу (видимо, Хаджи Тлишев. – Прим. С. Х.), отряд без всякой потери возвратился в лагерь». (Там же. С. 435).

6-8 декабря высланы два отряда «для уничтожения жилищ непокорных горцев». Отряд майора Принца истребил 15 аулов и до 1000 стогов сена в шестиверстном районе вокруг лагеря. Отряд подполковника Киреева в течение трех дней в долине Курджипса «сжег более 3000 стогов сена и хлеба, и 25 весьма больших абадзехских аулов, укрепленных завалами, потеряв в перестрелке ранеными 11 человек». (Там же. С. 435).

7 декабря лично Эмануэль выступил с отрядом в урочище Майкоп: «На марше уничтожены 2 аула и сожжено до 1000 стогов сена, сложенных по обоим берегам р. Белой». (Там же. С. 436).

8 декабря отряды Флиге и Васмунда истребили в районе Майкопа 8 абадзехских аулов и несколько сот стогов сена и хлеба. 9 декабря Эмануэль перешел у Майкопа на правый берег р. Белой и прибыл к устью Курджипса, где соединился с ген.-м. Турчаниновым. (Там же. С. 436).

10 декабря войска трех колонн (Антропова, Турчанинова и Васмунда) двинулись вниз по р. Белой и, «расположившись лагерем против аулов князя Джембулата Айтекова, немедленно приступили к их истреблению». (Там же. С. 436). На левом берегу Белой Антропов уничтожил 3 аула. Одновременно в районе урочища «Длинный лес» подполковник Пирятинский истребил 4 темиргоевских аула. (Там же. С. 436). После чего, 11 декабря, войска двинулись к Усть-Лабинской крепости, куда прибыли 13 числа.

Итоги «репрессалий», длившихся почти три недели, подводит Потто: «Три враждебные нам народа – бесленевцы, башильбаевцы и баракаевцы вступили в подданство России, несколько десятков ногайских семейств водворилось на пре-

жних местах по Кубани, около ста тридцати душ обоего пола взяты в плен; истреблены все попавшиеся нам на глаза аулы и уничтожены громадные запасы сена, которого достало бы на несколько лет на целую кавалерийскую дивизию». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Вып. 3. С. 431).

Тем не менее, результатами экспедиции Эмануэля остался крайне недоволен фельдмаршал Паскевич. О количестве сожженных аулов дает представление барон Сталь: «Вся страна от верхней Кубани до р. Курджипса была предана пламени. 210 деревень, огромные запасы хлеба и сена уничтожены, значительная баранта захвачена». (Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник / Под ред. генерал-майора Потто. Т. XXI. Отд. II. Тифлис, 1900. С. 164).

Как отмечает Потто, «даже отложившиеся от нас кабардинцы не могли не задуматься над участью, которая ожидала их в будущем». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Вып. 3. С. 431). Под впечатлением от разорительного похода Эмануэля два видных хаджрета – Асламбек Бесленев и Мурзабек Хамурзин – направились к Эмануэлю в Ставрополь. В. Томкеев датирует эту поездку мартом 1829г.: «Не желая подвергать себя подобной же участи (полного разорения и гибели людей. – Прим. С. Х.), знатнейшие из князей – Росланбек Бесленев и Аджи-Мирза-бек Хамурзин – 15 марта 1829 года явились в г. Ставрополь к Емануэлю с просьбой о прощении и разрешении поселиться им между преданными нам закубанскими народами. Они обещали выполнить все требования нашего правительства, собрать всех беглых кабардинцев, рассеянных за Кубанью между враждебными нам племенами, и возвратиться вместе с ними в Кабарду». (Томкеев В. Кавказская линия под управлением генерала Емануэля // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 120-221). Князья соглашались сложить оружие на условии поселения их на Кубани. Эмануэль был готов принять предложение кабардинских лидеров, но против категорически выступил Паскевич. Он считал совершенно неприемлемым основание кабардинских аулов в ближайшем, хоть и полностью подконтрольном русским войскам, Закубанье. Основным условием замирения он считал готовность кабардинцев возвратиться в Кабарду. Князья ответили отказом и, как писал Потто, «предпочли открытую вражду с нами насильственному переселению в пределы Кабарды, под надзор ненавистной им администрации». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Вып. 3. С. 432).

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.